

КОНСТАНТИН
СТАНЮКОВИЧ

В МОРЕ!

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С76

Станюкович, К.М.

С76 В море! / К.М. Станюкович. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 198 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00184-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Константина Михайловича Станюковича «В море!».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00184-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

I

В это погожее майское утро Николай Алексеевич Скворцов, молодой моряк лет двадцати шести, к Пасхе произведенный из мичманов в лейтенанты, проснулся ранее обыкновенного. Несмотря на веселые лучи весеннего солнца, залившие светом небольшую комнату, которую Скворцов нанимал у кронштадтской вдовы-чиновницы Дерюгиной в Галкиной улице, он, проснувшись, не приветствовал утра, как бывало прежде, веселыми, хотя и довольно фальшивыми руладами, а, полежав минуточку-другую, присел на кровати с озабоченным видом, раздумывая о своем положении.

В самом деле положение было, как выражался лейтенант, «бамбуковое». В плавание на лето, благодаря правилам ценза (будь он проклят!), его не назначили и, следовательно, морское довольствие тью-тью, сиди на береговом жалованье, а между тем долгов было по самую макушку его довольно-таки беспшашной головы. Из семидесяти одного рубля тридцати трех копеек причитавшегося ему жалованья вчера он получил, за вычетом на долги, только пятьдесят с чем-то. Но и из этих пятидесяти он тотчас же роздал неотложных долгов сорок рублей, так что у него на месяц оставалась все-

го красненькая, одиноко лежавшая в его объемистом, впрочем, бумажнике, полном какими-то записочками, счетами и письмами. Сегодня явятся портной и сапожник, спросит деньги за квартиру г-жа Дерюгина, и на днях надо внести проценты по долгу старухе-ростовщице, супруге отставного комиссара, — иначе, того и гляди, подаст, шельма, вексель ко взысканию. а откуда он достанет денег!?

Но еще хуже долгов была эта маленькая пылкая адмиральша, положительно отравлявшая ему жизнь своей требовательной любовью и сценами ревности. И при мысли об адмиральше, при воспоминании о вчерашней «штормовой» сцене, которую она «закатила», заспанное лицо молодого лейтенанта, с белокурыми всключенными волосами и парой темных добродушных глаз, сделалось еще озабоченнее и серьезнее.

«И надо же было ему, дураку, тогда ухаживать за нею и восхищаться ее красотой... Вот и разделявайся теперь, как знаешь!» — прошептал лейтенант с тоскливым, недоумевающим видом человека, попавшего в безвыходное положение.

Одно спасенье — удрать от нее в дальнее плаванье, этак годика на два, на три... «Что, мол, делать, назначили, я не виноват!» Но как попасть?.. Кого просить? Протекции у него никакой: ни важной бабушки, ни хорошенькой тетушки, ни влиятельного адмирала, которые могли бы поехать к начальству и хлопотать за него...

Лейтенант грустно вздохнул и снова стал раздумывать, как бы ему деликатно и тонко объясниться с адмиральшей и сказать, что хоть он к ней и привязан как к другу и на-

всегда сохранит в сердце своем ее милый образ, как чудное воспоминание, но... «вы понимаете»...

«Черта с два ей скажешь и черта с два она захочет что-нибудь понять, эта необузданная женщина!» — тотчас же прервал свои приятные мечтания молодой человек и даже заочно малодушно струсил при мысли, что бы было после такой декларации. Он вспомнил, какой «порцией» сцен встречена была недавняя слабая его попытка в этом направлении. Несколько грустный от хронического безденежья и непременной обязанности ежедневно посещать адмиральшу хоть на «одну минутку», он позволил себе по какому-то подходящему случаю выразить мнение, что любовь не может длиться вечно и что примеров такой любви история не представляет, так — господи боже ты мой! — каким гневным, уничтожающим взглядом своих черных, загоревшихся глаз окинула его адмиральша, точно он сказал нечто чудовищное. Он, лейтенант Скворцов, был бы первейшим негодяем в подлунной, если б разделял такие «гнусные» взгляды. Настоящая любовь должна быть вечная. «Понимаете ли вечная». Любовь не забава, а обязательство, по крайней мере для порядочного человека, ради которого женщина «всем пожертвовала», — значительно подчеркнула адмиральша.

Для избежания грозившего вслед затем «шквала с дождем», как называл лейтенант Скворцов истерики со слезами, — тем более, что адмирала не было дома, — пришлось поспешно «убрать все паруса» и объяснить, что он говорил так, «вообще», «теоретически», и прильнуть к маленькой, выхоленной, необыкновенно «атласистой», благодаря вазелину, ручке, на мизинце которой сверкал красивый брилли-

ант, напоминавший о векселе, по которому Скворцов уже год платил «небольшие» проценты.

«Как тут ни вертись, а бамбук!» — размышлял, вотще отыскивая выход, молодой человек. Действительно, ведь она для него «всем пожертвовала» и «испытывала муки», обманывая своего «доброго и благородного Ванечку», адмирала-мужа. И это она не раз говорила. И вдруг он, единственное ее утешение в жизни, которое она любила и мучила за все свои жертвования, так-таки бросит бедную женщину? Ведь в самом деле это было бы довольно-таки подло с его стороны, пожалуй еще даже подлея, чем ставить рога простофиле Ивану Ивановичу, который, по-видимому, ни о чем не догадывается и необыкновенно ласков с лейтенантом.

«Ах, если б она вдруг меня разлюбила! Ах, если б удрать в плавание!»

Но и то, и другое казалось несбыточным.

В таком скорбном состоянии духа у Скворцова явилась идея: сегодня же ехать в Петербург к своему товарищу и другу, лейтенанту Неглинному, с которым он всегда советовался во всех затруднительных случаях жизни, поговорить с ним о своем каторжном положении и занять, если можно, рублей двадцать пять, чтобы заплатить за квартиру и снести проценты.

Эта идея несколько подбодрила упавшего было духом Скворцова. Он спрыгнул с постели, оделся и, просунув голову в двери, выходящие в коридор, крикнул:

— Бубликов!

На зов через минуту явился вестовой Бубликов, заспанный молодой матросик в казенной форменной рубахе, довольно неуклюжий, рыхлый и мягкотелый, с простоватым

выражением круглого, простодушного лица деревенского парня, недавно взятого от сохи и еще не оболваненного ни городом, ни службой. Этот Бубликов прослужил у Скворцова осень и зиму и теперь доживал последние дни, назначенный в плавание, что ему не особенно улыбалось, так как он предпочитал спокойную жизнь вестового на берегу треволениям и муштровке морской, неведомой ему, жизни.

— Продрал глаза, Бубликов? Или еще спишь?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечал, ухмыляясь, вестовой.

— Ну, так слушай, что я буду говорить. Живо самовар! Да вычисти хорошенько жилетку, сюртук и штаны... Новые... понял?

— Понял, ваше благородие, — проговорил Бубликов, внимательно и напряженно слушая.

— А в саквояж... Знаешь саквояж?

— Мешочек такой кожаный, ваше благородие.

— Так в этот самый мешочек положи, братец, чистую сорочку крахмаленную и другую — ночную, полотенце и два носовых платка... Еду в Петербург... Если кто будет спрашивать, скажи, завтра к вечеру приеду назад. Все понял?

— Все понял, ваше благородие. а к чаю плюшку брать?

— А ты думал, что по случаю отъезда плюшки не надо? — рассмеялся Скворцов.

— Точно так. Полагал, что в Питере будете кушать.

— А ты все-таки возьми и себе булку возьми...

Вестовой ушел, и лейтенант тщательно занялся своим туалетом.

В то время, как он, без рубашки, усердно мылил себе шею, в комнату вошла и тотчас же с легким криком выбежала

квартирная хозяйка, вдова чиновника, госпожа Дерюгина. Узнавши от вестового, что жилец уезжает в Петербург, она благоразумно спешила получить за квартиру деньги, зная, что после поездки в Петербург господа офицеры всегда бывают без денег.

«Она не ждет разочарования!» — подумал Скворцов и, окончивши мытье и вытиранье, надел чистую рубашку с отложным воротником и стал перед зеркалом, которое отразило свежее, красивое лицо с чуть-чуть вздернутым носом, высоким лбом, мягкими сочными губами и с тем приятным, добродушным выражением, которое бывает у мягких людей. Он зачесал назад свои белокурые волнистые волосы, расправил небольшую кудрявую бородку, подстриженную *à la Henri IV*, закрутил маленькие усики, повязал черный регат, облачился в новый сюртук, осторожно принесенный Бубликовым, и заварил чай.

Тук-тук-тук!

— Входите!

И только что высокая и дебелая, еще не старая и довольно видная квартирная хозяйка, прикрывшая свою утреннюю белую кофточку шерстяным платком, собиралась открыть рот, как Скворцов любезно приветствовал ее с добрым утром, сказал ей, что она свежа сегодня, как майская роза, и прибавил:

— Вы, разумеется, за деньгами. Варвара Петровна, но — уввы! — денег нет. Всего десять рублей с копейками, честное слово!

— Но ведь вчера... двадцатое число... жалованье, — несколько заикаясь от столь неприятного известия, прогово-

рила дебелия дама, сразу утерев впечатление удовольствия от только что полученного комплимента.

— То было, Варвара Петровна, вчера... Действительно, вчера у меня было нечто вроде жалованья, а сегодня...

И вместо окончания Скворцов меланхолически и протяжно свистнул.

— Но однако, Николай Алексеевич, мне самой нужны деньги...

— Вам-то? Чай, в банке лежат денежки, Варвара Петровна?.. Небойсь, припасено на черный день покойным вашим супругом?

— Вам все шутки, Николай Алексеич, а мне, право, деньги очень нужны, обиженно проговорила г-жа Дерюгина.

— Какие шутки! Не до шуток мне, коли хотите знать, Варвара Петровна!.. Совсем мои дела — табак! Но вы не тревожьтесь. Я надеюсь в Петербурге перехватить у одного приятеля и, коли перехвачу, привезу вам.

— Прокутите, Николай Алексеич.

— Не бойтесь, не прокучу... Ну, а если не достану денег, уж вы не сердитесь, Варвара Петровна, и подождите до следующего двадцатого числа, прошу вас!

— Это верно?

— Так же верно, как то, что я лейтенант Скворцов.

подавив недовольный вздох и оттого, что не получила денег, и оттого, что жилец не обращает ни малейшего внимания на ее внушительные прелести, хоть и болтает иногда вздор, — Варвара Петровна согласилась подождать и ушла, после чего Скворцов уже гораздо спокойнее выпил два стакана чаю с лимоном и, взглянув на свои серебряные часы,

недавно купленные по случаю залога золотых, послал Бубликова за извозчиком.

За пять минут до девяти часов лейтенант был на пристани и, взявши билет, входил на пароход, довольный, что не увидит ни портного, ни сапожника, и главное, на целых два дня по крайней мере избавлен от сцен подозрительной и ревливой адмиральши. «Отдуюсь уж заодно по возвращении!» — подумал он, предчувствуя, что без этого не обойдется. Пожимая руки знакомым офицерам, ехавшим в Петербург просаживать жалованье, Скворцов с веселым видом проходил на корму парохода, как вдруг выражение испуганного изумления омрачило его лицо.

В двух шагах от него на скамейке сидела адмиральша, — маленькая, интересная брюнетка, в щегольской жакетке, обливавшей красивые формы роскошного бюста и тонкую талию, с пикантным, хорошеньким лицом, казавшимся совсем молодым, свежим и ослепительно белым из-под розовой вуалетки, спущенной до подбородка, на котором задорно чернела крошечная родинка... Веселая и сияющая, по-видимому не испытывающая никаких мук оттого, что обманывает «честного и благородного Ванечку», сидевшего с ней рядом, она разговаривала с каким-то пожилым моряком, щурия глаза на костюмы дам.

— Вот так фунт! — невольно пролепетал на мгновение ошалевший лейтенант, останавливаясь на полном ходу.

Он хотел было дать тягу и вернуться на берег, благо ни адмиральша, ни адмирал его не заметили, но сходня была снята, пароход тронулся, и адмиральша, повернув голову, уж увидала его и, несколько удивленная, сверкнув глазами, при-